

УДК 929(470.41)

doi 10.17072/2219-3111-2019-1-129-137

ГОРОД ДЕТСТВА В АВТОБИОГРАФИЧЕСКИХ НАРРАТИВАХ КАЗАНСКИХ ИСТОРИКОВ

А. А. Сальникова

Казанский (Приволжский) федеральный университет, 420008, Казань, ул. Кремлевская, д. 18
Alla.Salnikova@kpfu.ru

Исследуются автобиографические нарративы казанских историков, опубликованные на протяжении двух последних десятилетий. Внимание сосредоточено на детских и отроческих годах их авторов, которые представлены в анализируемых текстах как некая его-история в пространстве города. Показано, что провинциальный город – в данном случае Казань – не только создает нарративный фон автобиографического повествования, но и выполняет, по сути, структурообразующую функцию, формируя особую пространственную модель автобиографического текста. На основании мемуаров охарактеризована специфика городского «дворянского» «детского» пространства последнего предреволюционного десятилетия, прослежена его трансформация в раннесоветский период, выявлена специфика советского «детского» городского пространства 1920-х – первой половины 1940-х гг. и его разновидности (пространства воспитательного, образовательного, досугового). Рассмотрен процесс освоения ребенком городского пространства от познания пространства частного к познанию пространства публичного и закреплению его в «детской» памяти. Выявлено влияние травматического опыта на характер воспоминаний о детстве. Акцент сделан на особенностях репрезентации истории детства и отрочества в воспоминаниях профессиональных историков; обозначены факторы, воздействующие на степень самооценки и ограничивающие исповедальный момент в таких воспоминаниях. Сопоставлены автобиографические тексты различных способов фиксации: спонтанные и спровоцированные, написанные и надиктованные – и влияние способов фиксации на полученный текст. Определено значение фиксации собственных детских дискурсивных практик, выраженной в том числе на языке пространственных представлений, для построения и воспроизведения целостной линии жизни и полноценной репрезентации такой временной модальности, как прошлое.

Ключевые слова: автобиографический нарратив, история детства, детское пространство, провинциальный город, позднейшая имперская / советская Россия, 1910-е – 1940-е гг.

«Хочу начать воспоминания с признания в любви. Люблю Казань, особенно старую, ее небольшой квадрат, в котором протекла и протекает моя жизнь», – так начинал свои воспоминания «Страницы памяти» профессор Казанского университета историк Г.Н. Вульфсон (*Вульфсон*, 2010, с. 15). Этот город, в чем-то типичный, но в чем-то отличный от других российских городов, не только создает некий нарративный фон автобиографического повествования, но и, по существу, становится одним из главных его героев. Это вполне объяснимо: автобиографический нарратив предполагает не только особую временную, но и особую пространственную организацию текста, представляющую собой «модель мира данного автора, выраженную на языке его пространственных представлений», «континуум, в котором размещаются персонажи и совершается действие» [*Лотман*, 1988, с. 252–253, 258].

Среди факторов, определяющих вариативность сюжетных пространств автобиографического текста, немаловажными являются возрастные категориальные характеристики. Речь идет не только о возрасте субъекта – автора воспоминаний, но и о возрасте объекта самоописания. В любой автобиографии желательным принципом горизонтальной плотности событий, которые в большинстве случаев располагаются в «линейном порядке, они как бы нанизаны на линию, а точнее, на стрелу времени» [*Аванесян*, 2017]. И потому автобиография предполагает если не анализ, то хотя бы фиксацию собственных детских дискурсивных практик как «начала пути». Без описания детства невозможно выстроить и воспроизвести целостную и последовательную линию жизни, полно представить такую временную модальность, как прошлое, реконструировать историю формирования личности.

Воспоминания о детстве присутствуют и в автобиографических сочинениях профессиональных историков. На протяжении двух последних десятилетий появился ряд таких воспоминаний, написанных профессорами и преподавателями Казанского университета. Это прижизненно опубликованные воспоминания Е.П. Бусыгина (1913–2008) «Жажда совершенства» (Бусыгин, 2007) и мемуары А.Л. Литвина (род. в 1931 г.) «Жизнь как выживание» (Литвин, 2013), изданные посмертно мемуары В.И. Адо (1905–1995) «Вспоминая о прошлом...» (Адо, 2000) и уже упомянутые воспоминания Г.Н. Вульфсона (1920–2002) «Страницы памяти» (Вульфсон, 2010), а также принадлежащий ему же незаконченный мемуарный отрывок «Большой двор на тихой улочке в самом центре города (1930-е годы)» (Вульфсон, 2002). Эти люди с разной степенью подробности рассказали о своем детстве, причем о детстве городском, ибо все они родились в Казани и провели здесь свои детские и отроческие годы (исключение составляет лишь Г.Н. Вульфсон, родившийся в Новосибирске и переехавший в Казань в тринадцатилетнем возрасте).

Мемуары, как известно, источник многотемный, многоплановый, полифоничный. И потому представляется целесообразным остановиться лишь на одном из сюжетов – о «детском» пространстве провинциального российского города.

Очевидно, что у каждой возрастной группы городского населения есть «свой» город. Под «детским» городским пространством я подразумеваю систему локусов, создаваемых детьми и для детей, освоенных и присвоенных детьми [Salnikova, Khamitova, 2015, p. 177]. Среди них можно выделить пространства реальные и имагинальные, публичные и частные, сконструированные как самими детьми, таки взрослыми (пространства обучающие, воспитательные, досуговые, рекреационные и пр.), а также изначально «взрослые» пространства, переориентированные на детей путем привнесения в их структуру детской составляющей. Процесс освоения городского пространства ребенком идет, как известно, от познания пространства частного (*domus*) к познанию пространства публичного (*locus*) и далее вплоть до освоения по мере взросления городского пространства в целом [Salnikova, 2017, p. 223]. Память о «детском» пространстве обычно является очень прочной, что находит отражение в автобиографических нарративах.

Воспоминания казанских историков целесообразно рассматривать последовательно, в соответствии с хронологией рождения их авторов, поскольку и само описываемое пространство, и манеры и способы его репрезентации в текстах существенно отличаются друг от друга. Начну с воспоминаний Василия Ивановича Адо, в которых описание «детского» пространства дано наиболее обстоятельно и полно.

Эти воспоминания были написаны задолго до их публикации, фактически «в стол», и посвящены правнуку В.И. Адо Ивану. Таким образом, внутрифамильная цель создания этой автобиографии была провозглашена прямо, хотя она оказалась самой информативной из всех рассмотренных и с точки зрения воспроизведения собственных детских практик, и с точки зрения отображения исторического контекста.

«Я родился в Казани 23 февраля 1905 года (по новому стилю), и вся моя жизнь протекала в этом городе, за исключением военных лет первой половины 40-х годов», – пишет В.И. Адо (Адо, 2000, № 7, с. 37). Отец Василия Ивановича, статский советник, по образованию горный инженер, был достаточно крупным по меркам тогдашней Казани чиновником: он возглавлял Казанское пробирное управление, а впоследствии основал Казанскую палату мер и весов. Поэтому до 1917 г. семья проживала в наиболее престижной, «дворянской», части города, на Ново-Горшечной улице (ныне Бутлерова), вначале в доме Васильевых, затем в доме Александрова. На Ново-Горшечной и в округе, в собственных или арендованных двухэтажных деревянных или каменных особняках с внушительными парадными дверями и высокими частыми окнами, с широкими карнизами и наличниками с затейливой резьбой, с террасой и садом, жили представители не аристократических, но зажиточных, интеллигентных слоев населения – университетская профессура, преуспевающие врачи и адвокаты, крупные чиновники. Особенностью проживания была близость жилья и службы. Вот и дом с казенной квартирой управляющего располагался рядом с Пробирным управлением. Не удивительно, что ребенку хорошо запомнился рабочий кабинет отца – «большая, высокая угловая комната с окнами на две улицы. В ней стоял большой письменный стол, два или три шкафа с деловыми бумагами, стол, ввинченный в стену, на котором стояли особо точные весы в стеклянном футляре. В углу комнаты была сделана большая металлическая клетка высотой примерно в полтора роста человека, внутри которой находился несгораемый шкаф» для хранения проходящих проверку

золотых и серебряных изделий. Мальчик плохо понимал, чем занимается его отец: «Заглядывая иногда в кабинет, я видел, что он сидит за своим столом и пишет какие-то бумаги или читает газету» – но запомнил «огромный рабочий зал, комнату ожидания для серебряных и золотых дел мастеров» и особенно «небольшую, но таинственную, несколько пугавшую огнем и шумом рабочую комнату для плавки металла» (Адо, 2000, № 7, с. 42). Впрочем, ребенок осознавал, что занятия отца сопряжены с какой-то опасностью: отец каждый вечер обходил с револьвером в руках все комнаты дома Васильевых и тщательно проверял запоры дверей и окон. И немудрено, ведь вечерами дом погружался в полумрак – как и в большинстве домов тогдашней Казани, в нем не было ни электричества, ни водопровода, ни телефона. Водопровод появился только с переездом на подворье одного из богатейших казанских купцов, домовладельца Афанасьева.

Дом, квартира – это первоначальный и основной топос «детского» пространства. Поэтому мемуаристу хорошо запомнилось и расположение комнат в квартире – большой зал, просторная столовая, спальня родителей, комнаты девочек и мальчиков (в семье было пятеро детей), комната бонны на антресолях, кухарки и горничной – в мезонине, и обстановка гостиной и столовой – большой ковер, красивое высокое зеркало у стены, два складных ломберных стола, беккеровский рояль, мягкие стулья вдоль стен, копии картин Айвазовского в золоченых рамах, пальмы перед окнами, лакированный круглый стол, покрытый бархатной скатертью, с высокой красивой лампой в виде фигуры германского воина, держащего в руках светильник, буфет с изысканными резными украшениями, стеклянная горка с хрустальной посудой (Адо, 2000, № 7, с. 43). Типичный образец повседневного дворянского быта и уюта.

Но жизнь ребенка не ограничивалась замкнутым пространством: довольно много времени он проводил в саду васильевского дома, а позднее – во дворе дома Афанасьева. И если домашнее пространство было «одушевлено» в основном родителями, братьями, сестрами, племянниками, прислугой, докторами и немногочисленными «визитерами родительского круга», то дворовое пространство «насеяли» совершенно отличные от домашних и потому очень интересные для ребенка люди: отставной генерал-майор царской армии, выходявший на прогулку в форменной шинели с генеральскими погонами и в высокой фуражке с красным околышем; три сестры, содержавшие частную публичную библиотеку; даже красивая, статная любовница Афанасьева (интересно, откуда узнал об этом ребенок?). Однако лучшим другом мальчика стал живший в нижнем этаже флигеля дворник Николай, которому он «помогал» убирать снег своей детской деревянной лопаткой, а тот «в благодарность» катал ребенка на санях и строил ему ледяную гору.

Представители «улицы» редко нарушали частное жилое пространство семьи Адо. Это была так называемая «бытовая» служба: стекольщики, точильщики, угольщики, старьевщики, почтальон, швейцар, приходящая прачка. Принимали их по-разному – почтальона, например, «через парадную дверь в передней», а швейцара и дворника – только «через черный ход на кухне» (Адо, 2000, № 7, с. 48). Такой безликой «обслуживающей», кроме дворника Николая, в памяти дворянского мальчика и осталась.

По мере взросления шло освоение ребенком и публичного городского пространства: частые прогулки в «аристократических» Лядском и Державинском саду и всего дважды или трижды в относительно «демократическом» парке «Черное озеро» с матерью или няней, посещение оперного театра, обучение танцам в Дворянском собрании, выезд на летний отдых в пригородный дачный поселок Красная Горка (ныне Юдино).

Таким образом, воспоминания В.И. Адо еще раз подтверждают тот факт, что и частное, и публичное «детское» пространство имперского российского города было нормализовано, социально стратифицировано и отчетливо сегрегировано. У маленького Васи оно было примерно таким же, как у всех детей «его круга». Ребенок не видел, не бывал и практически не представлял себе «другие» «детские» пространства, где проходила повседневная жизнь его менее состоятельных сверстников.

Помимо социальной в мемуарах четко прослеживаются черты этнической сегрегации городского пространства, существовавшей в то время в мультиэтнической Казани: мемуарист жил в «русской» части города, здесь же он проводил свой детский досуг и никогда не был в татарской Казани, отграниченной протокой Булак. К быту татарской семьи, поселившейся по соседству, он слегка прикоснулся лишь на даче в Красной Горке. В семье практиковалось многоженство: после отъезда главы семьи в город в доме командовала старшая жена, а после его возвращения одна из жен мыла

супругу ноги (Адо, 2000, № 7, с. 50). Для ребенка все это было экзотично, но непонятно и чуждо. При описании детских и отроческих лет мемуарист не называет ни одного татарского имени.

Принцип иерархизации и сегрегации пространств был соблюден и на следующем этапе жизни мальчика – при выборе среднего учебного заведения для его обучения. В 1915 г. Василий стал учеником Казанской третьей мужской гимназии, располагавшейся неподалеку от его дома и бывшей, по воспоминаниям мемуариста, «в значительной мере интеллигентско-служилой», поскольку среди родителей гимназистов преобладали «работники интеллектуального труда, чиновники и служащие различных учреждений» (Адо, 2000, № 7, с. 53).

Описанию гимназии, в том числе ее пространственным характеристикам, посвящена глава воспоминаний «Гимназические годы». Значение школьного пространства как «терапевтически полезного» для формирования «нормального» субъекта–подданного (М. Фуко), как места проникновения власти в конкретный локус социальной жизни и структурирования жизни его субъектов, как области формирования базовых ценностей и норм детства трудно переоценить. Такое пространство требовало особой организации и структуры, географии и топографии, а также оформления. И Казанская третья мужская гимназия вполне соответствовала позднеимперской типовой модели архитектурно-образовательного пространства для детей из привилегированных слоев населения [Прошлое...; Смирнов, 2003]. По описанию мемуариста, оно было просторно и комфортно. Асфальтированная дорога с тротуаром вела к вытянутому в длину безукоризненно белому двухэтажному корпусу. В правом крыле нижнего этажа помещалась квартира директора и святая святых – «таинственный и страшный» директорский кабинет, в левом – классы, спортивный зал и туалет. На втором этаже располагались домовая церковь, классы, учительская и актовый зал, где на стене висел портрет Николая II в полный рост и проходило ежеутреннее построение гимназистов с пением государственного гимна России. Рядом с гимназическим зданием тянулся чрезвычайно любимый гимназистами хорошо ухоженный парк с теннисной площадкой, кегельным кортом, футбольным полем и другими спортивными сооружениями. Однако трехлетнее обучение в гимназии, по словам мемуариста, «не захватило души» мальчика: в памяти остались только «жесткая дисциплина и мелочный контроль за поведением учащихся, дух царепочитания, навязчивое насаждение православия, формальное чинопочитание между учащимися и учителями» (Адо, 2000, № 7, с. 56).

Достоинством воспоминаний В.И. Адо являются наблюдения, фиксировавшие изменения городского пространства Казани в период Первой мировой войны, революции 1917 г. и последовавших за этим событий. Маркеры новой, «военной», действительности немногочисленны, но символичны: длинные очереди за хлебом и мясом, встречавшиеся на улицах раненные солдаты и офицеры, появление военных госпиталей (Адо, 2000, № 7, с. 59–60). Гораздо подробнее показана в мемуарах трансформация пространства города в феврале и октябре 1917 г. Конец февраля – начало марта в Казани – это толпы ликующих людей с красными бантами на груди, обнимавшихся, поздравлявших друг друга со свободой, исчезновение привычной фигуры дежурного полицейского, стоявшего обычно на перекрестке улиц напротив дома, где жил мальчик, закрытие полицейского участка поблизости, снятие царского портрета в актовом зале гимназии. «На домах снимались царские флаги и вывешивались красные, срывались вывески с царскими двуглавыми орлами. Я видел, как обломки такой вывески были сброшены у входа в аптеку Шварца, расположенную напротив Лядского сада» (Адо, 2000, № 8, с. 40–41). Вооруженное восстание 24–25 октября в Казани – это артиллерийская пальба, снаряды, разорвавшиеся у дома и заставившие спрятать мальчика в нижнем этаже у профессора Никольского. И очень символический визуальный образ происходивших событий: расстрелянный генерал в форменной шинели, в брюках с лампасами и упавшей с головы форменной фуражкой на мостовой и пятна крове на стене дома на уровне головы человека. И еще один момент, очень хорошо запомнившийся мемуаристу, видимо, на контрасте с февралем: улицы вокруг его дома пустынные, жители «в тревоге затаились, как будто боялись даже выходить» (Адо, 2000, № 8, с. 44).

Захват Казани белочехами 6 августа и восстановление советской власти 10 сентября 1918 г. ознаменовались обстрелами города. И Василия вновь прятали в квартире профессора Никольского. До конца 1919 г., несмотря на активно начавшийся с конца 1918 г. в Казани процесс «самоуплотнения» «буржуазно-дворянского элемента» [Шамигулов, 2002, с. 103], семья Адо продолжала жить на прежнем месте: после ухода белочехов в городе оставалась масса пустующих квартир, брошенных бежавшими с белыми горожанами. Население Казани в годы Гражданской войны уменьшилось по

сравнению с 1913 г. на 60 тыс. человек [Научный путеводитель, 1990, с. 58]. Но в связи с ликвидацией Пробирного управления осенью 1919 г. начинаются квартирные мытарства семьи: аренда двух комнат на улице Бутлерова, затем переезд в небольшую трехкомнатную квартиру на улице 1-я Академическая (ныне ул. Вишневого), куда, конечно, не могло вместиться все имущество. Многие вещи были брошены, а остальное битком набито в маленьком помещении, так что оставались лишь узкие проходы. Все это потихоньку распродалось: семья жила продажей сохранившихся ценных вещей – рояля, картин, части мебели, кое-чего из одежды, ювелирных украшений (Адо, 2000, № 8, с. 47–48).

Коренным образом было реформировано и школьное пространство: в соответствии с Положением о единой трудовой школе от 16 октября 1918 г. Третья мужская гимназия была слита с находившейся поблизости частной женской Котовской гимназией, переведена в ее здание и преобразована в советскую трудовую школу II ступени № 3 (Адо, 2000, № 8, с. 49).

В принципе место обитания мальчика не изменилось: он продолжал жить и учиться все в том же дворянском центре, но сам этот центр быстро менялся. Лучшие дома были заняты новыми советскими учреждениями. Так, рядом со школой, где учился Василий, в двухэтажном каменном здании, обосновалась Губчека, окруженная мрачной тайной, поскольку по слухам там не только пытали, но и расстреливали людей. В обновляемом советской властью пространстве резко изменилось и качество жизни: «Жили мы холодно и голодно», – пишет мемуарист (Адо, 2000, № 8, с. 52). Детство и отрочество заканчивались, впереди была новая советская жизнь, вписанная в границы нового советского пространства.

Неким продолжением этих воспоминаний, воспроизводящим уже иное, раннесоветское «детское», пространство Казани являются мемуары этнографа и историка Евгения Прокопьевича Бусыгина. Детство и отрочество в разделе «Начало жизненного пути» описаны очень кратко (Бусыгин, 2007, с. 28–41). Его город детства в середине 1910-х – первой половине 1920-х гг. совсем другой: это те районы Казани, где проживали средние городские слои, русское мещанское сословие (отец мальчика вплоть до начала 1920-х гг. служил в магазине канцелярских и писчебумажных принадлежностей Опарина). Улица Армянская (ныне Спартаковская) и улица Вторая Подлужная, сохранившая свое название, где прошло детство Евгения, казалось бы, мало чем отличались друг от друга: те же деревянные одно- и двухэтажные дома, арендованные или собственные в зависимости от уровня доходов их обитателей, то же отсутствие деревьев, та же неразвитая инфраструктура. Но с Подлужной, протянувшейся вдоль реки Казанки, открывался красивый вид, а главное – здесь была замечательная гора, уходившая от улицы далеко вниз, к реке, и ставшая местом детских забав маленького Жени. Именно досуговое «детское» пространство описано мемуаристом обстоятельно и эмоционально: катание зимой на санях и лыжах с огромных Фуксовского и Федоровского спусков, купание, рыбалка, игры в лапту, соревнования в беге, драки «до первой крови», дальние путешествия к Троицкому лесу через городские парки – Русскую Швейцарию и Немецкую Швейцарию (Бусыгин, 2007, с. 35–37). Школы, в которых учился мемуарист, он упоминает лишь вскользь, замечая, что учился он плохо, чему виной были заманчивые возможности игр и забав Подлужной улицы и учеба по классу скрипки в музыкальной школе им. Гуммерта. Видимо, именно это, а также принадлежность родителей к категории «лишенцев», не позволили Евгению получить дальнейшее образование после окончания семилетки (Бусыгин, 2007, с. 41). Советская власть стала строже к «не своим» детям: ведь даже дворянское происхождение не помешало Василию Адо закончить в 1922 г. «единую трудовую» школу, поступить в педагогический институт, а потом обучать зарубежной истории не только казанских рабфаковцев, но и опаленных войной многоопытных большевиков в Татарском коммунистическом университете.

Описанное в воспоминаниях Е.П. Бусыгина детство – это детство вне времени и вне политического пространства. Единственный запомнившийся ему увиденный из окна «политический» эпизод: большая группа вооруженных людей, бросая оружие и перепрыгивая через забор, скрывается в соседних дворах, за ними с криком «ура!» бегут люди с красными повязками – в Казани после изгнания белочехов восстанавливается советская власть (Бусыгин, 2007, с. 34).

Особняком в ряду рассмотренных воспоминаний стоят воспоминания Г.Н. Вульфсона. И «Страницы памяти», и «Большой двор» им не завершены. Автор дорабатывал «Страницы памяти» на протяжении нескольких лет (с 1998 по 2002 г.), но основная часть текста была надиктована им летом 1998 г.

Все ждали от Григория Наумовича, умного, незаурядного, даже несколько эпатажного человека, какого-то особого автобиографического текста. Но текст опубликованных в 2010 г. мемуаров получился довольно «рваным», с пробелами, умолчаниями, недомолвками и не отразил в полной мере яркую и сложную личность мемуариста. В предисловии к изданию это объясняется тем, что воспоминания готовились как юбилейное издание накануне 200-летия Казанского университета, что сказалось на их структуре и содержании [*Лексина*, 2010, с. 8]. Тема университета, действительно, заняла в мемуарах центральное место. Недаром среди наиболее значительных детских воспоминаний автор упоминает первое посещение Казанского университета со школьной экскурсией (*Вульфсон*, 2010, с. 22).

В целом же ранние годы мемуариста в этих воспоминаниях стали, по существу, объектом умолчания. Исключение составляет лишь описание школьных лет. По приезду в Казань в 1933 г. Григорий поступил в школу № 4 им. Ленина, расположенную в самом центре города, в отстроенном в 1914 г. здании бывшего Казанского повивального института, в непосредственной близости от университета. Рассказ о школе представлен удачными, подчас забавными портретными зарисовками учителей, сценок из школьной повседневности. И вновь ни слова об историческом контексте. Иногда из текста вообще трудно понять, что речь идет о пространстве советской школы, а не дореволюционной гимназии. Это можно определить лишь по косвенным данным, например, по упоминанию подготовленного учеником доклада «Пушкин – декабрист», или по включению в школьный рукописный журнал статьи о романе Горького «Мать», или по описанию одежды учителей и факту совместного обучения мальчиков и девочек (*Вульфсон*, 2010, с. 24, 26).

Совсем другим представляется небольшой мемуарный текст «Большой двор на тихой улочке в самом центре города» – описание культурного пространства казанского двора как части городского локуса, где проходили отроческие годы Г.Н. Вульфсона. Текст был написан по просьбе редакционной коллегии сборника по истории провинциальной повседневности, когда стало известно, что старые дома на улице Рыкова (с 1936 г., после объявления его врагом народа, переименованную в ул. Тельмана), где в 1933–1937 гг. жил мемуарист, подлежат сносу в связи с приближающимся тысячелетием Казани.

Г.Н. Вульфсон подошел к написанию текста добросовестно и основательно: описание самого двора, находившихся в нем домов, построенных еще на рубеже XIX и XX вв., надворных построек, интерьера своей и соседских квартир, в которых удалось побывать автору воспоминаний, рассказ об их обитателях не только дают представление о том, какое влияние оказала эта среда на формирование подростка, но и подтверждают факт медленного и запоздалого «осовечивания» пространства провинциального города. И даже знаковые «советские» урбанонимы мало в чем могли помочь.

Автор предполагал продолжить воспоминания о городе своего отрочества, в частности, о главной площади Казани – площади Свободы, которую пересекал ежедневно по дороге в школу (*Вульфсон*, 2002, С. 249), но жизнь его оборвалась неожиданно. В день смерти на его письменном столе были обнаружены пять листочков этой незаконченной рукописи и ручка со снятым колпачком (*Вульфсон*, 2002, с. 248).

И, пожалуй, самые сложные для анализа с эмоциональной точки зрения воспоминания – выдающегося российского историка А.Л. Литвина «Жизнь как выживание», начинающиеся разделом с символическим названием «Чужой» (*Литвин*, 2013, с. 15–24). «Чужим» ощущает он себя не только в силу депривации по этническому признаку. «Чужим» – сыном врага народа – девятилетний мальчик стал для многих после ареста отца «за распространение антисоветских измышлений» и «возведение клеветы на одного из руководителей коммунистической партии» (всего-то один рассказанный анекдот и пара неосторожных высказываний) 7 марта 1941 г.

Описание детского пространства в этих мемуарах трагически противоречиво. С одной стороны, такая родная и привычная родительская квартира на улице Лево-Булачной в самом центре Казани, где мемуарист прожил первые двадцать пять лет своей жизни, знакомый двор и его обитатели, ребячьи игры и шалости (футбольные баталии старыми консервными банками вместо мяча в лугах, за вокзалом, двор на двор, катание по Лево- и Право-Булачным улицам на трамвайной «колбасе» или прицепном буфере и на привязанных к валенкам коньках-снегурочках, зацепившись проволочным крючком за проезжавший грузовик), прогулки по соседней улице Баумана с редкой покупкой вкусных вафельных трубочек у неработающей Вознесенской церкви. Все просто и обычно, как у многих детей того времени. С другой стороны, опустевшая и ставшая сразу какой-то про-

сторной после ареста отца квартира, жестокие слова, брошенные сверстниками («Так твой отец, оказывается, изменник, Родину хотел предать!»).

На все это наложилась еще и война. Мемуарист вспоминает о появлении многочисленных беженцев на улицах Казани, об уплотнении родительской квартиры. Тогда освоение новых пространств детьми зачастую имело одну цель – избавиться от гнетущего чувства голода: «Помню, как мы ребячьей ватагой бегали на вокзал, он был неподалеку от нашего дома. Там на дальних путях стояли платформы с кормовым жмыхом, подсолнечным или чечевичным. Мы набивали им карманы, клали за рубашку» (Литвин, 2013, с. 29–30).

Этот образ израненного судьбой детства передан в воспоминаниях А.Л. Литвина лаконично, но откровенно до исповедальности.

Подводя итог, замечу, что было бы некорректно утверждать о создании в рассмотренных воспоминаниях некоего обобщенного образа «детства историка» – уж слишком они разные и слишком индивидуальные. Сложно говорить и о каком-то специфическом «детском пространстве», сформировавшем в будущем историка–профессионала. Эти дети и подростки себя историками и не мыслили: Женя Бусыгин хотел быть капитаном, а Гриша Вульфсон – филологом. Но представления о детском пространстве провинциальной предреволюционной и советской России 1920-х – середины 1940-х гг. эти мемуары, безусловно, дополняют.

По классификации М.Ф. Румянцевой [Источниковедение, 2015, с. 348–350] воспоминания историков часто представляют собой мемуары – «современные истории»: даже в сугубо личных автобиографических нарративах данного происхождения подспудно улавливается облик истории «глобальной», хотя культурно-исторический контекст может быть воспроизведен с разной степенью детализации и полноты. Историк, как никто иной, прекрасно осведомлен о том, что происходило тогда на макроуровне, он зависим от этих знаний, но, чтобы не показаться банальным, подчас избегает изложения общеисторической информации, априорно полагая, что она и так уже знакома читателю. Внесение в текст информации, почерпнутой из специальной исторической литературы, как правило, не идет на пользу мемуарам, как, в частности, произошло с воспоминаниями В.И. Адо, воссоздавшего с ее помощью политическую ситуацию в Казани весной – осенью 1917 г.

Воспоминания историков, сказано об этом прямо или нет, практически всегда ориентированы на публикацию – немедленную или отложенную, что, безусловно, усиливает степень самооценки и ограничивает исповедальный момент. В силу профессии историки более строги к себе в изложении фактов или стремятся к этому.

Таким образом, мемуары историка – это, по существу, еще один историографический продукт, созданный исследователем-профессионалом. Значительное место в них уделяется, как правило, вкладу автора в развитие исторической науки, истории создания исторических трудов, подготовке учеников и т.д. и в гораздо меньшей степени – описанию частного, бытового, интимного, включая собственные детские годы. Эта тенденция была характерна для советского периода, когда воспоминания о детстве часто излагались формализованно, схематично, вскользь или отсутствовали совсем в силу своей мнимой незначительности (а иногда и социальной чуждости). В какой-то степени это сказалось и на проанализированных мемуарах, поскольку авторами их были люди, сформированные (пожалуй, лишь за исключением В.И. Адо) в советское время и советским временем.

Однако в последние десятилетия «детские» страницы в автобиографических нарративах историков стали практически незыблемы. Более того, российский историк И.В. Нарский неоднократно заявлял о возникновении новой тенденции в современном российском историописании, названной им «лирической историографией», под которой он подразумевал включение в исторические и историографические исследования собственного автобиографического материала, собственного исследовательского и жизненного опыта, в том числе детского. Сам И.В. Нарский блестяще воплотил такой подход в своей книге «Фотокарточка на память» [Нарский, 2008], выступив в качестве главного «лирического героя» повествования. Развитие этого жанра, как, впрочем, и традиционной автобиографистики, важно и нужно, поскольку многие сюжеты в исторической науке невозможно интерпретировать, не обращаясь к изучению личности самого историка как индивидуальности, вписанной в пространство прошлого и представленной через это пространство как смыслообразующая категория исторического нарратива.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Адо В.И. Вспоминая о прошлом...: Записки русского интеллигента XX века // Казань. 2000. №7. С. 34–60; № 8. С. 40–59; № 9. С. 41–54; № 10. С. 95–111; № 11. С. 97–108; № 12. С. 112–120.
- Бусыгин Е.П. Жажда совершенства //Счастье жить и творить. Казань: Изд-во Kazan – Казань, 2006. С. 27–264.
- Вульфсон Г.Н. Большой двор на тихой улочке в самом центре города (1930-е годы) // Повседневность российской провинции: история, язык и пространство: Матер. 3-й Всерос. летней школы «Провинциальная культура России: подходы и методы изучения истории повседневности» / под ред. С.Ю. Малышевой. Казань: ЗАО «Новое знание», 2002. С. 248–254.
- Вульфсон Г.Н. Страницы памяти. Казань: Kazan – Казань, 2010. 232 с.
- Литвин А.Л. Жизнь как выживание: Воспоминания и размышления о прошлом. М.: Собрание, 2013. 280 с.

Библиографический список

- Аванесян М.О. Организация времени в автобиографическом нарративе // Психологические исследования. 2017. Т. 10. № 52. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2017v10n52/1403-avanesyanyan52.html> (дата обращения: 29.12.2018).
- Источниковедение: учеб. пособие / И.Н. Данилевский, Д.А. Добровольский, Р.Б. Казаков и др.; отв. ред. М.Ф. Румянцев. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. 685 с.
- Лексина Ю. Как готовилась эта книга // Вульфсон Г.Н. Страницы памяти. Казань: Kazan – Казань, 2010. С. 5–10.
- Лотман Ю.М. В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М.: Просвещение, 1988. 352 с.
- Нарский И.В. Фотокарточка на память: Семейные истории, фотографические послания и советское детство (Автобио-историо-графический роман). Челябинск: ООО «Энциклопедия», 2008. 516 с.
- Научный путеводитель по Казани и ее окрестностям / науч. ред. и сост. Ю.П. Переведенцев, А.М. Трофимов. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1990. 89 с.
- Прошлое школьных зданий: типовые проекты // Форма: Архитектура и дизайн для тех, кто понимает. URL: http://www.forma.spb.ru/Arch_project/project-history.shtml (дата обращения: 04.01.2019).
- Смирнов В.В. Петербургские школы и школьные здания: история школьного строительства в Санкт-Петербурге – Ленинграде – Санкт-Петербурге. 1703–2003.СПб.: Рос.-балт. информ. центр «Блиц», 2003. 144 с.
- Шамигулов А.Р. Муниципализация жилья в Казани в 1918–1919 гг.// Казанский посад в прошлом и настоящем: Сб. статей и сообщений науч.-практ. конференции. Казань: Мастер Лайн, 2002. С. 102–105.
- Salnikova A. «Childrenloci» construction in the Soviet city of 1917–1927 // Dialog so vremenem. 2017 (60). P. 222–237.
- Salnikova A., Khamitova Zh. School architecture as a way of promotion of Soviet identity in the 1930s' Stalinist Russia // History of education & Children's Literature (HECL). 2015. Vol. 10, № 1. P. 177–194.

Дата поступления рукописи в редакцию 10.01.2019

CITY OF CHILDHOOD IN AUTOBIOGRAPHICAL NARRATIVES OF KAZAN HISTORIANS

A. A. Salnikova

Kazan (Volga Region) Federal University, Kremlevskaya str., 18, 420008, Kazan, Russia
Alla.Salnikova@kpfu.ru

The autobiographical narratives of Kazan historians published over the past two decades are under research in the paper. Attention is focused on the childhood and adolescence of their authors presented in the analyzed texts in the urban spatial context as a kind of ego-history in the space of the city. It is shown that the provincial city – in this

case, Kazan – not only creates a background for the autobiographical narrative, but actually performs a structural function, forming a special spatial model of the autobiographical text. The article describes the specifics of the urban "noble" "children's" space of the last pre-revolutionary decade on the basis of memoirs, traces its transformation in the early Soviet period, and describes the specifics of the Soviet "children's" urban space in the 1920s – first half of the 1940s and its varieties (educational, educational, leisure spaces). The author traces the process of assimilation of urban space by the child from learning the private space to learning the public one and to accumulating it in children's memory. The influence of traumatic experience on the nature of childhood memories is revealed. Special emphasis is placed on the specifics of how the history of childhood and adolescence is represented in the memoirs of professional historians and to the factors affecting the degree of self-censorship and limiting confessional moment in such memories. The author compares autobiographical texts of different methods of fixation: spontaneous and provoked, written and dictated ones, and describes how the method of fixation affects the resulting text. The value of fixation of own children's discursive practices, expressed in the language of spatial representations, for constructing and reproducing a holistic and consistent line of life and for a full representation of the past is determined.

Key words: autobiographical narrative, childhood history, children's space, provincial town, late Imperial / Soviet Russia, 1910s-1940s.

References

- Avaneyan, M.O. (2017), "Organizatsiya vremeni v avtobiograficheskom narrative", *Psikhologicheskie issledovaniya*, 2017, vol. 10, № 52, available at: <http://psystudy.ru/index.php/num/2017v10n52/1403-avanesyan52.html> (accessed 29.12.2018).
- Leksina, Yu. (2010), "How was this book prepared", in Vulfson, G.N., *Stranitsy pamyati* [Memory pages], Kazan–Kazan, Kazan, Russia, pp. 5–10.
- Lotman, Yu.M. (1988), *V shkole poeticheskogo slova: Pushkin. Lermontov. Gogol* [The school of the poetic word: Pushkin. Lermontov. Gogol], Prosveshchenie, Moscow, Russia, 352 p.
- Narskiy, I.V. (2008), *Fotokartochka na pamyat': Semeinye istorii, fotograficheskie poslaniya i sovetskoe detstvo (Avtobio-istorio-graficheskiy roman)* [Memory card: family stories, photographic messages and Soviet childhood (Autobio-historical-graphic roman), Entsiklopediya, Chelyabinsk, Russia, 516 p.
- Perevedentsev, Yu.V. & Trofimov, A.M. (ed.) (1990), *Nauchnyy putevoditel' po Kazani i ee okrestnostyam* [The scientific guide to Kazan and the surrounding area], Izd-vo Kazan. un-ta, Kazan, Russia, 89 p.
- "Proshloe shkol'nykh zdaniy: tipovye proekty", in *Forma: Arkhitektura i dizain dlya tekhn, kto ponimaet* [Form: Architecture and design for those who understand], available at: http://www.forma.spb.ru/Arch_project/project-history.shtml (accessed 04.01.2019).
- Rumyantseva, M.F. (ed.) (2015), *Istochnikovedenie: uchebnoe posobie* [Source studies: study guide], Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki, Moscow, Russia, 685 p.
- Salnikova A. & Zh. Khamitova (2015), "School architecture as a way of promotion of Soviet identity in the 1930s' Stalinist Russia", *History of Education & Children's Literature (HECL)*, vol. X, № 1, pp. 177–194.
- Salnikova, A. (2017), "Children loci" construction in the Soviet city of 1917–1927, *Dialog so vremenem*, № 60, pp. 222–237.
- Shamigulov, A.R. (2002), "Municipalization of housing in Kazan in 1918–1919", in *Kazanskiy posad v proshlom i nastoyashchem: Sbornik statey i soobshcheniy naychno-prakticheskoy konferentsii* [Kazan Posad in the past and present: Collection of articles and reports of scientific and practical conference], Master Layn, Kazan, Russia, pp. 102–105.
- Smirnov, V.V. (2003), *Peterburgskie shkoly i shkol'nye zdaniya: istoriya shkol'nogo stroitel'stva v Sankt-Peterburge – Leningrade –Sankt-Peterburge. 1703–2003* [St. Petersburg schools and school buildings: the history of school construction in St. Petersburg – Leningrad – St. Petersburg. 1703–2003], Ros.-balt. inform. tsentr «Blits», St. Petersburg, Russia, 144 p.